

На правах рукописи

ЮРЧЕНКО Владислав Николаевич

**ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА
В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(2001-2008 гг.)**

**Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(новая и новейшая история)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Тюмень – 2010

Работа выполнена на кафедре новой истории и международных отношений
ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Кондратьев Сергей Витальевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Кузьмин Вадим Александрович

кандидат исторических наук, доцент
Ефименко Евгений Николаевич

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения РАН

Защита состоится «3» декабря 2010 г. в «12» часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «___» ноября 2010 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор*

З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы исследования.

Иран последние тридцать лет находится в центре внимания международного сообщества во многом по причине его ожесточенного противостояния с крупнейшей державой в современном мире – Соединенными Штатами Америки. Уже три десятилетия США предпринимают огромные усилия по полной политико-дипломатической и экономической изоляции Ирана. Главной целью этого является смена нынешнего иранского режима. Это смогло бы привести к восстановлению утраченных США позиций в Иране, к ликвидации «угрозы» со стороны Ирана американским интересам в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Во многом в контексте тридцатилетнего противостояния США и Ирана, стремлений последнего к региональной гегемонии, кардинального отличия взглядов руководства на структуру современного мира и места в нем двух стран стоит рассматривать и ситуацию вокруг развития Ираном своей ядерной программы.

Иранская ядерная программа стала серьезным фактором международных отношений. Она оказывает заметное влияние на дискуссии по проблеме сохранения режима нераспространения ядерного оружия, эффективности деятельности таких международных организаций как МАГАТЭ и ООН, оказывает значительное влияние на многосторонние и двусторонние отношения. В этой связи российско-американские отношения в рассматриваемый период являлись ярким тому подтверждением.

Фактически с самого начала российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики иранская ядерная программа стала одной из наиболее острых тем российско-американских отношений. Практически ни одна встреча официальных лиц России и США различного уровня не проходила без обсуждения «иранского вопроса», и прежде всего, одного из его аспектов – российско-иранского ядерного сотрудничества.

Однако актуальность исследуемой проблемы связана еще и с тем, что иранская ядерная программа является серьезным вызовом международному режиму нераспространения ядерного оружия. Россия и США, как основные гаранты соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия, считали нераспространение важным приоритетом во взаимоотношениях с различными акторами международных отношений. Во многом поэтому в российско-американской повестке дня иранская тема входила в число приоритетных вопросов, наряду с такими как контроль над вооружениями, ядерное разоружение, проблема противоракетной обороны и др.

Актуальность исследуемой темы определяется также тем, что Россия и США по-разному представляли место и роль Ирана в современном мире, свои отношения с этой страной, имели отличные друг от друга оценки характера

иранской ядерной программы, ее влияния на безопасность двух стран, по-разному видели решение «иранской проблемы».

Степень изученности проблемы.

Проблеме, рассматриваемой в предлагаемом исследовании, посвящено множество работ различного объема и содержания.

Изучением ситуации вокруг иранской ядерной программы и смежных вопросов в рассматриваемый период занималось множество российских научно-исследовательских центров. Среди них можно назвать Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, ПИР-Центр политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Российский институт стратегических исследований, Институт стратегических оценок и анализа, Московский Центр Карнеги.

Изучением истории и состояния иранской ядерной программы, подходом России и США к решению проблемы ядерного Ирана, влияния «иранского фактора» на российско-американские отношения, путей преодоления иранского ядерного кризиса занимаются такие российские исследователи, как В. Сажин, В. Евсеев, А. Хлопков, В. Орлов, А. Арбатов, В. Новиков, С. Задонский, С. Саруханян, М. Братерский, С. Дружиловский, И. Сафранчук, В. Лата, А. Зобов, И. Федорова.

Анализом внутренней и внешней политика Исламской Республики Иран, в том числе ирано-американских отношений, общественно-политических движений, партий, региональной политики Ирана, национального, экономического, социального вопросов занимаются Н. Мамедова, В. Сажин, А. Вартамян, С. Дружиловский, О. Жигалина, Л. Кулагина, С. Задонский, А. Лукоянов, М. Вагин, Л. Раванди-Фадаи, Е. Мелкумян, А. Арабаджян, Г. Мирский, А. Розов, П. Синовец, М. Арунова, В. Месамед, В. Арсенов, И. Федорова, Е. Дунаева, В. Гусейнов, Д. Суслов, С. Кудаев, Е. Примаков.

Российско-иранским отношениям посвятили свои работы М. Арунова, А. Гушер, С. Дружиловский, Н. Мамедова, С. Григорьев, Л. Кулагина, А. Арабаджан, Н. Петров, В. Хуторская.

Изучением российско-американских отношений, в том числе в сфере безопасности, внешней политики США занимаются Т. Шаклеина, С. Рогов, В. Кременюк, Уткин, Э. Баталов, В. Гарбузов, П. Подлесный, Г. Корсаков, М. Братерский, А. Богатуров.

Исследованию «иранского ядерного вопроса» в контексте проблемы нераспространения ядерного оружия, защиты и хранения и оборотом ядерных материалов, ядерного терроризма, экспортного контроля посвятили свои работы А. Арбатов, В. Дворкин, В. Новиков, Р. Тимербаев, В. Евсеев, А. Калядин, Н. Ромашкина, Э. Кириченко, А. Пикаев, А. Дьяков, Г. Евстафьев, А. Фененко.

Дискуссии по исследуемой проблеме велись на страницах таких отечественных научных журналов как «Ядерный контроль», «Индекс безопасности», «Азия и Африка сегодня», «Восток», «Мировая экономика и

международные отношения», «Россия в глобальной политике», «Международная жизнь», «США – Канада: экономика, политика, культура», «Вестник аналитики», «Pro et Contra», «Ядерное распространение», «Обозреватель – Observer», информационно-аналитический бюллетень «Россия и мусульманский мир».

Изучением «иранского вопроса» занимается значительное число американских научно-исследовательских институтов, именуемых «мозговыми центрами». Среди них Совет по американской внешней политике, Атлантический совет Соединенных Штатов, Институт Брукингса, Фонд Карнеги за международный мир, в том числе Московский Центр Карнеги, Институт Като, Центр оборонной информации, Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского Института международных исследований, Центр стратегических и международных исследований, Совет по международным отношениям, Корпорация РАНД, Вашингтонский институт ближневосточной политики, Фонд «Наследие», Американский институт предпринимательства и др.

Особое внимание при написании работы заслуживали два последних центра, являющиеся видными представителями современной американской консервативной общественно-политической мысли. Будучи близки к республиканской администрации Дж.У. Буша, они оказывали значительное влияние на формирование и реализацию внешней политики США в рассматриваемый период, в том числе и в отношении Ирана. Эксперты из этих институтов скептически относились к возможности решить «иранский ядерный вопрос» невоенными, политико-дипломатическими средствами. Они ставили под сомнение эффективность деятельности МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН в решении «иранской ядерной проблемы» и призывали США к решительным действиям в ликвидации «иранской угрозы», в том числе и в обход решений выше названных международных органов. В то же время эксперты из консервативных центров признавали, что военный удар по Ирану обладал бы не высокой степенью эффективности.

Представители научно-исследовательских институтов умеренной политической направленности, напротив, были убеждены в бесперспективности не только военного варианта решения «иранской ядерной проблемы», но и в оказании на иранский режим жесткого давления. Эксперты либеральных «мозговых центров» рассматривали санкции в целом как эффективный инструмент воздействия на Иран, однако особо подчеркивали, что для решения «иранского вопроса» необходимо было задействовать и другие варианты. Некоторые исследователи из таких центров, например, как Р. Такей и Дж. Перкович, считали стратегию администрации Дж.У. Буша в отношении Ирана ошибочной и предлагали наладить прямое ирано-американское взаимодействие, видя в этом необходимое условие в решении проблемы ядерного Ирана. При этом ряд американских экспертов, например, Дж. Перкович из Фонда Карнеги за международный мир, считали, что США

следовало активно взаимодействовать с Россией в решении «иранской проблемы», а для этого США необходимо было отказаться от критики России по ряду чувствительных для нее вопросов.

К зарубежным исследователям, занимающихся изучением ситуации вокруг иранской ядерной программы, способов решения «иранской проблемы», характера и политики иранского режима, влиянием «иранского вопроса» на режим нераспространения ОМУ, а также политики США в отношении Ирана, стоит отнести Дж. Перковича, Дж. Филлипса, Р. Гардинера, Р. Айнхорна, Г. Сеймура, Р. Такей, А. Кордесмана, К. Поллака, П. Клоусона, П. Сокольски, Т. Карпентера, С. Чубина, Дж. Сиринционе, С. Малони, Б. Шаффер, Д. Баймана, Р. Литвака, М. Айзенштата, М. Фитцпатрика.

Дискуссии по проблеме исследования ведутся на страницах таких зарубежных научных журналов, как «American Foreign Policy Interests», «The National Interest», «The Nonproliferation Review», «Foreign Affairs», «Survival», «Security Dialogue», «Strategic Analysis», «Strategic Comments», «Washington Quarterly», «Arms Control Today», «Disarmament Diplomacy», «Bulletin of Atomic Scientists».

Объектом исследования стали российско-американские отношения.

Предметом исследования является взаимодействие России и США по вопросу развития Ираном своей ядерной программы.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – изучить взаимодействие России и США по вопросу развития Ираном своей ядерной программы.

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих задач:

1. Изучить представления руководства США и России о роли и месте Ирана в структуре современного мира, характере иранской ядерной программы, степени ее угрозы для национальной безопасности обеих стран.
2. Проанализировать основные направления критики Соединенных Штатов Америки российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере.
3. Определить и изучить инструменты американского воздействия на российско-иранское ядерное сотрудничество и степень их эффективности.
4. Рассмотреть основные этапы развития иранского ядерного кризиса и позицию России и США.

Хронологические рамки исследования охватывают период с января 2001 года по май 2008 года, т.е. два президентских срока Дж.У. Буша в США и В.В. Путина в России.

Источниковая база исследования.

В работе были использованы следующие группы источников.

Первую группу составили официальные документы Российской Федерации. К ним относятся материалы исполнительных органов власти РФ. В них вошли, прежде всего, Концепция внешней политики РФ, утвержденная В. Путиным 28 июня 2000 года и Концепция национальной безопасности России в

редакции от 10 января 2000 года. Анализ выше указанных документов, а также сопоставление их с подобными документами США показал наличие серьезных расхождений во взглядах американского и российского руководства на характер иранской ядерной программы и оценки угрозы национальной безопасности со стороны Ирана.

К материалам исполнительных органов власти отнесены постановления правительства РФ, имевшие отношения к рассматриваемой теме, а также проект Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012 года (проект), принятой в середине 2002 года.

К официальным документам Российской Федерации отнесены материалы законодательных органов власти РФ. Они представлены федеральным законом от 28 марта 2002 года № 33-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон «Об использовании атомной энергии», который позволил ввозить на территорию России отработанное ядерное топливо.

Вторую группу источников составили официальные документы Соединенных Штатов Америки. В нее вошли материалы исполнительных и законодательных органов власти США.

К материалам исполнительных органов власти относятся, прежде всего, Стратегия национальной безопасности США сентября 2002 и марта 2006 годов, Национальная стратегия США по борьбе с оружием массового уничтожения за 2002 год, Национальная стратегия США по борьбе с терроризмом за 2003 и 2006 годы, а также документ под названием «9/11 пять лет спустя: достижения и вызовы», представлявший своеобразный отчет о деятельности американского правительства с сентября 2001 по сентябрь 2006 года.

Данная группа источников также представлена Исполнительными указами президента Соединенных Штатов, особенность которых состояла в том, что все документы носили экстерриториальный характер, т.е. их действие распространялось на иностранные компании и правительства других стран, если они занимались, или были замечены, в поставках ядерных и ракетных технологий, товаров и услуг в Иран. Именно экстерриториальный характер этой группы документов вызывал наибольшее недовольство стран, сотрудничавших или желавших сотрудничать с Ираном.

Указанная группа источников также представлена докладами силовых и разведывательных ведомств США. Они представляли особый интерес потому, что на основании содержащейся в открытой части докладов информации можно было судить об отношении этих ведомств к иранской ядерной программе.

Материалы законодательных органов власти Соединенных Штатов важны для понимания позиции законодательной ветви власти американского государства по различным аспектам «иранского вопроса». Необходимость изучения позиции Конгресса диктовалась той ролью, которую законодательный

орган играет в выработке и реализации внешней политики страны. К данной группе источников были отнесены законопроекты, законы, поправки, резолюции, доклады, слушания Конгресса США и письма членов Конгресса.

Третья группа источников включает в себя материалы международных организаций. Она представлена материалами Международного агентства по атомной энергии и органов Организации Объединенных Наций. К материалам МАГАТЭ относятся доклады Генерального директора МАГАТЭ и резолюции Совета управляющих МАГАТЭ.

Четвертую группу источников составляют международные, межправительственные договоры, соглашения, декларации. В нее вошли Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, декларации, подписанные представителями России и США в рамках двусторонних и многосторонних форматов.

Пятую группу составили заявления, выступления, интервью официальных лиц. Она являлась базовой для выполнения всех поставленных задач исследования и была крайне важна для прояснения позиции руководства России и США по различным аспектам исследуемой проблемы.

Шестая группа представлена источником личного происхождения. Это воспоминания о своей профессиональной деятельности бывшего заместителя Государственного секретаря и представителя США при ООН Дж. Болтона. Книга представляла особенную ценность для автора диссертации, поскольку содержала крайне важную информацию кулуарного характера по исследуемой проблематике, что невозможно было обнаружить в официальных документах.

Седьмую группу источников составили материалы СМИ. Она позволила добыть дополнительную информацию по позиции различных министерств и ведомств России и США, а также по конкретным событиям и реакции сторон.

Методологическая основа диссертации.

В качестве методологической основы исследования были использованы принципы и методы общенаучного и исторического познания.

Работа построена на таком принципе научного исследования как историзм. Он обеспечил подход к предмету познания в его возникновении и развитии и в его связи с конкретными историческими условиями. В данном исследовании принцип историзма позволил изучить изменение оценок российского и американского руководства характера иранской ядерной программы, изменение степени ее влияния на безопасность России и США, а также проследить развитие событий во время иранского ядерного кризиса и реакцию России и США на эти события.

В диссертационной работе был использован метод сравнительного анализа. Он позволил подробно изучить и сопоставить широкий круг документов различных министерств и ведомств Соединенных Штатов и России.

В диссертационном исследовании также применялся проблемно-хронологический метод, предполагавший расчленение проблемы на ряд узких составных вопросов, каждый из которых рассматривался в хронологической последовательности. Анализ источников с применением данного метода позволил определить, что в начале рассматриваемого периода именно критика руководством США российско-иранского сотрудничества в сфере освоения мирного атома преобладала в повестке дня российско-американских отношений, в то время как с началом 2003 года, в связи с обнаружением незадекларированной деятельности Ирана в ядерной сфере, в повестке дня двусторонних отношений стал все больше преобладать вопрос о способах преодоления иранского ядерного кризиса. Этим объясняется последовательность расположения в тексте работы второй и третьей глав.

При написании диссертационной работы применялся историко-генетический метод, направленный на последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности во времени и пространстве. В данном исследовании он позволил проследить изменения в оценках американского и российского руководства характера иранской ядерной программы, степени ее угрозы для национальной безопасности двух стран. Он также оказался необходим для выявления изменений позиции США по российско-иранскому ядерному сотрудничеству, был полезен в изучении позиции российских и американских официальных лиц по «иранскому досье» во время иранского ядерного кризиса.

Научная новизна работы.

Научная новизна заключается в том, что, несмотря на существование огромного массива российской и иностранной литературы по рассматриваемой проблеме, в российском научном сообществе комплексного исследования по указанной теме с использованием широкого круга российских и зарубежных источников не проводилось. Автором впервые изучаются представления руководства США и России о роли и месте Ирана в структуре современного мира и их взаимосвязь с оценками характера иранской ядерной программы и степени ее угрозы для национальной безопасности двух стран. Выделяются факторы, оказывавшие влияние на политику США и России в отношении Ирана в рассматриваемый период.

Автором предлагается своя классификация инструментов американского воздействия на российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере и оценка их эффективности. Автор диссертационного исследования предложил свою периодизацию иранского ядерного кризиса, дал интерпретацию позиции России и США по «иранскому досье» на каждом этапе на основе анализа широкого круга российских и иностранных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Кроме того, с учетом накопленного материала по исследуемой проблеме возникла необходимость его систематизации и обобщения. В этой связи

предлагаемое исследование явилось попыткой проведения такой работы с целью формирования целостного представления о предмете исследования.

Практическая значимость.

Результаты исследования могут быть применены в следующих сферах. В учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке лекционных курсов и программ спецсеминаров по таким дисциплинам как российско-американские отношения (в том числе, на современном этапе), внешняя политика США и России на Ближнем и Среднем Востоке, проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и контроль над вооружениями, международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке.

Результаты исследования могут быть также применены в научной работе при дальнейшем изучении политики России и США в отношении Исламской Республики Иран, взаимоотношения двух стран по вопросу развития Ираном ядерной программы.

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена на заседаниях кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета и рекомендована к защите.

Основные положения диссертации были изложены в сообщениях на международной научной конференции «Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы» (8-10 февраля 2010 г., г. Казань), региональной конференции «Ближний Восток в современной системе международных отношений» (12-13 марта 2008 г., г. Томск), региональной конференции «Атомная энергетика в современном мире – международные аспекты» (26-28 ноября 2007, г. Томск).

Основные положения исследования нашли отражение в девяти публикациях, в том числе рекомендованных ВАК журналах.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность, практическая и научная значимость темы, рассматривается степень ее научной разработки, дается характеристика методологии и источниковой базы исследования, определяются цель и задачи, выделяются объект, предмет, обосновываются хронологические рамки работы.

Первая глава – «Концептуальные основы политики США и России в отношении Исламской Республики Иран» – включает два параграфа.

В первом параграфе рассматриваются концептуальные основы политики США в отношении Исламской Республики Иран. При этом под концептуальными основами политики США в отношении ИРИ понимаются представления руководства Соединенных Штатов о роли и месте Ирана в

структуре современного мира, характере ядерной программы Ирана, степени ее угрозы для национальной безопасности США.

Система взглядов американского руководства во многом сформировалась под влиянием событий 11 сентября 2001 и вошла в историю под названием «доктрина Буша». Она включала в себя ряд основополагающих концепций, внимание которых было сосредоточено на категории государств, к которым американское руководство причисляло и Иран.

«Доктрина Буша» заложила основы политики США в отношении Ирана в период администрации Дж.У. Буша. Эта политика имела прежний вектор развития, однако предполагала значительные изменения в способах ее реализации, что было связано, прежде всего, с пересмотром новой администрацией характера основных угроз Соединенным Штатам, исходивших от ряда государств и негосударственных образований, и способов борьбы с этими угрозами.

Центральным элементом «доктрины Буша» являлась борьба с международным терроризмом. Одним из элементов структуры международного терроризма, по представлениям администрации Дж.У. Буша, являлись государства-спонсоры. При этом Иран однозначно был отнесен США к странам-спонсорам международного терроризма.

Наибольшая опасность для США исходила от объединения терроризма и распространения ОМУ. Слияние этих двух угроз являлось одной из отличительных особенностей «доктрины Буша».

В основе «доктрины Буша» лежало обеспечение безопасности США с использованием не только традиционных мер обороны, но и путем нанесения упреждающего удара против того или иного государства, где существовал враждебный режим, или террористические организации, планы и действия которых представляли опасность для США и других стран. При этом меры воздействия на «государства-спонсоров» должны были быть такими же, как и меры, принимавшиеся для нейтрализации самих террористов.

Важной составляющей «доктрины Буша» являлось представление администрации США о так называемых «странах-изгоях». Концепция «стран-изгоев» нашла свое отражение в заявлении Дж. Буша-младшего в январе 2002 года о существовании так называемой «оси зла», к которой бывший американский президент причислил Ирак, Иран и Северную Корею. При этом само понятие «ось зла» служила неким условным обозначением тех стран, с которыми у Вашингтона имелись серьезные проблемы в отношениях, и которые он собирался решить путем применения военной силы, свергнуть неуютный режим и установить новый, дружественный, лояльный США.

Столкнувшись с проблемами в Афганистане и Ираке, администрация Дж.У. Буша внесла определенные коррективы во внешнюю политику Соединенных Штатов. Особое внимание было уделено не сиюминутной борьбе с террористическими структурами и их государствами-спонсорами путем нанесения упреждающих военных ударов, а продвижению в мире

демократизации и свободы. Применительно к Ирану это означало не применение военной силы, а поддержку демократических порывов иранского народа.

Взгляды администрации Дж.У. Буша на Иран были закреплены в целом комплексе нормативно-правовых актов, что означало стремление превратить отношение американской администрации к Ирану в норму международной практики. Все подобные документы были направлены на ограничение сотрудничества иранских компаний и иранского правительства и их зарубежных партнеров путем введения против участников такой деятельности торгово-экономических санкций. При этом наказание за нарушение норм американского законодательства распространялось и на зарубежные компании и фирмы и правительства иностранных государств.

В американском военно-политическом руководстве по вопросу оценок характера иранской ядерной программы в период президентства Дж.У. Буша существовал определенный консенсус. Американское руководство вне зависимости от ведомственной принадлежности, придерживалось четкой позиции: иранская ядерная программа носила военный характер и была нацелена на получение Ираном ядерного оружия, представляя, таким образом, угрозу национальной безопасности США.

Во втором параграфе рассматриваются концептуальные основы политики России в отношении Исламской Республики Иран. При этом под концептуальными основами понимаются представления руководства России о роли и месте Ирана в структуре современного мира, характере его ядерной программы, степени ее угрозы для национальной безопасности страны. Были выделены факторы, оказывавшие влияние на политику РФ в отношении Ирана.

Политика в отношении ИРИ во многом определялась особенностями целей и задач российской внешней политики в рассматриваемый период. Прежде всего, это было верховенство внутренних задач России над внешними, обеспечение устойчивого экономического развития страны, что подразумевало создание благоприятных внешних условий, в том числе стабильной международной ситуации по периметру российских границ. Последнее не представлялось российским руководством без построения более справедливого и демократического миропорядка. В свою очередь построение такого миропорядка невозможно было осуществить без неукоснительного соблюдения норм международного права, которые должны были быть основой межгосударственных отношений.

Центральную роль в решении международных проблем, в том числе распространение ОМУ, российское руководство отводило Организации Объединенных Наций и ее Совету Безопасности. Россия высказывалась против использования силовых методов решения международных проблем и полагала, что только СБ ООН имел право санкционировать применение силы в международных отношениях.

Одной из серьезных угроз международной безопасности Россия рассматривала распространение ядерного оружия. При этом особую опасность представляло появление ядерного оружия у государств, расположенных по периметру российских границ.

На политику России в отношении Исламской Республики Иран оказывали влияние несколько факторов. Первый заключался в географической близости Ирана к государственным границам РФ. В этой связи российское руководство при президенте В. Путине всячески стремилось предпринимать осторожные шаги, прибегая только к политико-дипломатическим средствам неконфронтационного характера. Решение «иранского вопроса» силовым способом рассматривалось в России как серьезный подрыв ее национальной безопасности.

Важным фактором политики России в отношении Ирана, а также оценки деятельности Ирана в ядерной сфере, являлось то обстоятельство, что для России Иран являлся крупным, быстро развивавшимся исламским государством, без которого невозможно было решить многие острые международные проблемы. Кроме того, Иран рассматривался российским руководством как важный торгово-экономический партнер, емкий рынок для продукции российской промышленности, прежде всего, военной и атомной.

Сотрудничество России и Ирана было отягощено развитием ситуации вокруг иранской ядерной программы. Российское руководство высказывалось однозначно против появления у Ирана ядерного оружия, в то же время всегда признавало его право на доступ и мирное использование ядерной энергии. Эта позиция не подлежала изменению в течение всего президентского срока В. Путина.

Сотрудничество в ядерной энергетике Россия ставила в зависимость от выполнения Ираном обязательств перед МАГАТЭ, в том числе подписания и ратификации Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях и протокола о возврате отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере.

Часть вины за ситуацию вокруг иранской ядерной программы Россия возлагала на США. Установление прямых «нормальных» отношений между США и Ираном рассматривалось Россией как один из факторов успешного решения «иранской ядерной проблемы».

Российская позиция по решению «иранского вопроса» должна была быть «сбалансированной», поскольку только такая политика могла, по мнению руководства России, способствовать достижению двух важных целей: обеспечить национальные интересы в Иране и не допустить нарушения режима ядерного нераспространения. В этом заключалась сложность российской политики в отношении ИРИ.

Вторая глава – «Критика США российско-иранского сотрудничества в ядерной области и реакция России» – включает два параграфа.

Первый параграф посвящен рассмотрению основных направлений критики США российско-иранского сотрудничества в ядерной области и реакции на нее российского руководства.

С приходом администрации Дж.У. Буша «иранский вопрос» стал одной из наиболее обсуждаемых тем российско-американской повестки дня и, в то же время, той темой, по которой взгляды сторон существенным образом расходились.

В первые месяцы правления администрации Дж. Буша-младшего давление на Россию по «иранскому вопросу» несколько ослабло, что было связано с проблемой назначения новых людей на важные политические посты в администрации, наличием иной повестки дня российско-американского диалога, разногласий в самой администрации по «иранскому вопросу». Данные обстоятельства заставили говорить о возможном смягчении позиции США по российско-иранскому ядерному сотрудничеству.

Подтверждением ошибочности подобных предположений послужили многочисленные доклады американских силовых и разведывательных структур, где указывалось, что Россия косвенно могла быть причастна к появлению у Ирана ядерного оружия, и что строительство Россией атомной электростанции в Бушере расширяло доступ Ирана к российской ядерной отрасли.

В диссертации выдвинуто предположение о возможности существования разведывательной информации о «незаконных», с точки зрения США, контактах российских фирм с иранскими компаниями. В качестве доказательства приводятся выдержки из мемуаров бывшего заместителя Госсекретаря Дж. Болтона.

У российских спецслужб имелась информация о сотрудничестве в атомной сфере зарубежных, в том числе американских, компаний и научно-исследовательских лабораторий с иранским правительством и иранскими фирмами. Российские данные были предоставлены США, в то время как последние своей информацией не делились. Это было связано с нежеланием американской стороны раскрывать источники секретной информации и методы работы с ней.

События конца 2002 – начала 2003 года вокруг иранской ядерной программы несколько отодвинули на второй план озабоченность США по поводу сооружения Россией АЭС в Бушере. Примерно с 2003 года администрация Дж.У. Буша стала отходить от слишком жесткой критики в адрес России по вопросу строительства бушерской АЭС.

Аргументы американской стороны против российско-иранского сотрудничества в атомной сфере вытекали из аксиоматического утверждения официальных лиц Соединенных Штатов о том, что Иран взял курс на создание ядерного оружия. Основные аргументы США против российско-иранского сотрудничества в ядерной области вытекали из двух положений: отсутствия экономической обоснованности и целесообразности создания Ираном ядерного топливного цикла и отсутствия транспарентности в его ядерной программе.

Одна из главных претензий Вашингтона в отношении российско-иранского сотрудничества в сооружении АЭС в Бушере была связана с судьбой отработанного ядерного топлива. Фактически, это было единственным аспектом российско-иранского ядерного сотрудничества, за который американская сторона могла действительно «зацепиться» в отношении критики этого сотрудничества. После подписания Ираном и Россией в феврале 2005 года протокола о возврате отработанного топлива тональность заявлений американских официальных лиц сместилась в сторону сотрудничества с Россией в разрешении ситуации вокруг иранской ядерной программы. При этом некоторыми представителями американского руководства ставилась под сомнение эффективность заключенного соглашения о возврате отработанного топлива.

В ответ на критику США, российские представители неоднократно заявляли, что сотрудничество с Ираном по сооружению АЭС являлось легитимным и осуществлялось в рамках международных норм и правил, при этом апеллируя к заключениям МАГАТЭ о безопасности сооружения атомной станции с точки зрения ядерного нераспространения. Постоянная критика американской стороны без предъявления доказательств давала основание российским официальным лицам и экспертам утверждать, что заявления США о небезопасности российско-иранского сотрудничества в сфере ядерной энергетики являлись примером недобросовестной конкуренции.

Второй параграф посвящен определению и изучению инструментов американского воздействия на российско-иранское ядерное сотрудничество и степени их эффективности.

Для оказания воздействия на российско-иранское сотрудничество Соединенные Штаты использовали инструменты финансово-экономического, политического и информационного характера. Эти меры воздействия были направлены как непосредственно на Иран, так и на его партнеров, в том числе и Россию.

Одним из самых часто используемых инструментов воздействия США на российско-иранское ядерное сотрудничество были инструменты финансово-экономического характера. Реализация их на практике осуществлялась тремя способами. Во-первых, путем угроз прекратить финансирование различных совместных с Россией программ, или пересмотреть позицию на сотрудничество в различных областях экономики, прежде всего, в высокотехнологичных. Во-вторых, посредством введения торгово-экономических санкций против различных компаний, российских и, в особенности, иранских, а также против иностранных правительств. В-третьих, путем финансово-экономических стимулов – предложения о компенсации ущерба России за отказ сотрудничать с Ираном, помощи в решении проблем задолженности перед западными институтами.

Наиболее активно США использовали такой инструмент воздействия как санкции. Санкционная политика США являлась ключевым элементом

американской стратегии, направленной на недопущение распространения в отношении Ирана. Использование США такой меры было инкорпорировано во многие нормативно-правовые акты. На основании этих документов администрация Дж.У. Буша неоднократно применяла санкционные меры к предприятиям, институтам и отдельным лицам из разных стран, в том числе и российским.

К наиболее заметному политическому инструменту воздействия можно было отнести блокирование вступления России и Ирана в ВТО. Информационное воздействие проявлялось в виде так называемых «утечек» в СМИ информации о военном вмешательстве США в Иран с целью положить конец иранской ядерной программе. При этом в список потенциальных целей была занесена и АЭС в Бушере.

Сделать однозначные выводы о степени эффективности американского воздействия на российско-иранское сотрудничество не представляется возможным. С одной стороны, по ряду вопросов Россия сделала значительные уступки. Она не совершала никаких сделок с Ираном в ядерной области, кроме достройки АЭС в Бушере, фактически были заморожены проекты строительства других энергоблоков. Кроме того, существовала огромная задержка в окончании сооружения и запуске первого энергоблока бушерской АЭС, задержка в подписании российско-иранского протокола о возврате ОЯТ, что отчасти можно было рассматривать как результат давления США.

С другой стороны, меры финансово-экономического, политического и информационного характера не привели к значительному сокращению российско-иранского сотрудничества, а также нисколько не изменили поведение самого Ирана. Прежде всего, Россия не отказалась от сооружения АЭС в Бушере как такового. Задержка в окончании строительства бушерской АЭС могла быть связана не только с давлением США, но и с техническими проблемами и озабоченностью самой России развитием ситуации вокруг иранской ядерной программы с начала 2003 года. В этой связи не исключено, что российское руководство сомневалось в необходимости поставки топлива, когда было непонятно, каковы были масштабы, направления и характер ядерной программы Ирана.

Отказ России от бушерского проекта был невозможен по ряду причин. Бушерский проект поддерживал занятость и приносил прибыль российской атомной отрасли. Он позволял сохранить добрососедские отношения России и Ирана, позволял России политически закрепиться в регионе Ближнего и Среднего Востока. Отказ России от обязательств по сооружению АЭС в Бушере нанес бы тяжелый удар по престижу России как надежного научно-технического партнера. Существовали сомнения в том, что критика США российско-иранского сотрудничества преследовала исключительно цели нераспространения. Иранский заказ позволял воздействовать на Иран, удерживать его в рамках режима ядерного нераспространения.

Третья глава – «Основные этапы иранского ядерного кризиса и позиция России и США» – включает три параграфа.

В первом параграфе рассматривается первый этап развития иранского ядерного кризиса, где была предпринята попытка его преодоления в рамках европейской дипломатии.

В конце 2002 года США обнародовали спутники со снимков, на которых были видны два строящихся на территории Ирана объекта ядерной инфраструктуры в г. Натанз и г. Арак, не поставленные под гарантии МАГАТЭ. Обнаруженные нарушения поставили вопрос о соблюдении Ираном обязательств по ДНЯО, а также соглашения о гарантиях.

На основании проведенных в течение нескольких месяцев проверок Генеральный директор МАГАТЭ 6 июня 2003 года представил Совету управляющих доклад, в котором указывалось, что Иран не смог выполнить свои обязательства, вытекавшие из его соглашения о гарантиях.

Вскоре после оглашения результатов проверки Великобритания, Франция и Германия, объединение которых вошло в историю как «европейская тройка» или «евротройка», предприняли совместные усилия по урегулированию сложившейся ситуации вокруг иранской ядерной программы.

Первоначально, примерно до середины 2005 года, переговоры, несмотря на некоторые сложности, проходили успешно. Свидетельством тому стало заключение 15 ноября 2004 года в Париже Предварительного соглашения, по которому страны «евротройки» признавали право Ирана на мирное использование ядерной энергии, а Тегеран обещал временно, до выработки условий постоянного соглашения, приостановить вызывавшую озабоченность у международного сообщества деятельность в ядерной сфере. Обязательства Ирана носили добровольный характер.

Однако в результате победы на президентских выборах летом 2005 года М. Ахмадинежада Иран отказался от ранее достигнутых договоренностей и возобновил работы по обогащению урана. Таким образом, более чем двухлетние переговоры стран ЕС и Ирана окончились безрезультатно.

США первоначально скептически относились как к заявлениям Ирана о приостановке обогащения и подписании Дополнительного протокола, так и к усилиям «евротройки». Однако по мере продвижения успехов европейской дипломатии на иранском направлении и того, как становилось очевидным, что Соединенные Штаты далеко не скоро покинут Ирак, США начали активнее подключаться к переговорному процессу. При этом изменение позиции США не мешало им настаивать на передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН.

Россия с самого начала поддержала попытки стран «евротройки» разрешить иранский ядерный кризис сугубо мирными несанкционными средствами. Она была уверена, что решение «иранского вопроса» должно было быть найдено исключительно в рамках МАГАТЭ, поэтому всячески подчеркивала важность полного сотрудничества Ирана с Агентством.

Во втором параграфе рассматриваются события вокруг иранской ядерной программы в середине 2005 – конце 2006 гг. Данный этап характеризовался обострением иранского ядерного кризиса и переносом рассмотрения «иранского вопроса» в Совет Безопасности ООН.

Иранский ядерный кризис обострился в самом начале 2006 года, когда Иран заявил о намерении возобновить полномасштабные исследования в области использования атомной энергии. В свою очередь, страны ЕС и США заявили, что переговоры окончательно зашли в тупик и встал вопрос о переносе «иранского досье» в СБ ООН, что и было сделано в конце марта 2006 года.

В сложившейся ситуации значительный интерес вызвало предложение России. В. Путин 25 января 2006 года выдвинул инициативу создания на территории России, и других ядерных держав, системы международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение урана. Россия фактически предложила свой план решения «иранского вопроса». Однако российское предложение Ираном было отклонено.

В январе 2006 года позиция Москвы в отношении «иранского досье» начинала меняться в сторону сближения с позицией европейских стран и США. Российская сторона дала понять, что поддержит предложение о переносе рассмотрения «иранского вопроса» в Совете Безопасности ООН. В то же время Россия возражала против принятия жестких мер в отношении Тегерана.

Весной 2006 года началась подготовка проекта резолюции по Ирану, однако в виду наличия серьезных разногласий между членами СБ ООН, ее принятие было отложено. Одновременно была предпринята попытка возобновления переговоров по принципу «выкупа» иранской ядерной программы. В начале июня 2006 года страны «шестерки» направили Ирану «венский пакет» предложений, главный смысл которого состоял в отказе Ирана от обогащения в обмен на значительные экономические и политические преимущества.

Июльские переговоры по «венскому пакету» предложений не принесли результатов, поэтому вновь возобновилось рассмотрение «иранского досье» в СБ ООН, который 31 июля 2006 года принял резолюцию 1696, призывавшую Тегеран прекратить обогащение, и в случае невыполнения принять меры в соответствии со статьей 41 главы 7 Устава ООН. При этом перенос рассмотрения иранского вопроса в СБ ООН окончательно закрепил новый формат переговоров с Ираном – «тройка» превратилась в «шестерку»: пять постоянных членов СБ ООН плюс Германия.

Переговоры между Ираном и странами «шестерки» во второй половине 2006 года не привели к достижению компромисса, в результате чего в конце декабря 2006 года решение «иранского вопроса» окончательно перешло в санкционную плоскость. При этом примерно со второй половины 2006 года основным пунктом расхождений в позиции России и США по «иранской

проблеме» стало не принятие репрессивных мер как таковых, а степень этих мер.

В третьем параграфе рассматриваются события декабря 2006 – мая 2008 гг. На этом этапе решение «иранской проблемы» осуществлялось в рамках СБ ООН путем принятия резолюций, вводивших против Ирана санкции.

23 декабря 2006 года после длительных согласований позиций членов СБ ООН на основании ст. 41 главы 7 Устава ООН была принята резолюция 1737. Согласно резолюции замораживались все денежные средства лиц, причастных к иранской ядерной и ракетной программам. Запрещались поставки в Иран оборудования и технологий, имевших отношение к обогащению и переработке, созданию средств доставки ядерного оружия. Рекомендовалось отказываться во въезде на территорию других стран лиц, причастных к ядерной и ракетной программам Ирана.

В начале 2007 года внимание привлекли предложения США и Генерального директора МАГАТЭ М. Эль-Барадея о смягчении напряженности в отношении иранской ядерной программы. 11 января 2007 года Госсекретарь США К. Райс выдвинула инициативу по проведению конференции по Ираку с участием всех заинтересованных стран, в том числе Ирана. В мае 2007 года США впервые за тридцать лет пошли на прямой диалог с Ираном по вопросу Ирака и добивались его поддержки. Однако к существенному прогрессу в решении «иранского вопроса» это не привело.

Более заметной была инициатива Гендиректора МАГАТЭ, который в конце января 2007 г. выступил с предложением сделать «тайм-аут» в «иранском вопросе», что означало замораживание Ираном своей ядерной программы и в то же время временное прекращение действий санкций. Предложение главы МАГАТЭ не являлось новым, поскольку схема «приостановление в обмен на приостановление» была прописана в резолюции 1737.

24 марта 2007 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию № 1747, которая незначительно ужесточала санкции в отношении Ирана. После отказа Исламской Республики выполнить положения данной резолюции и в результате длительных переговоров, свидетельствовавших о серьезных разногласиях между членами СБ ООН, в том числе России и США, 3 марта 2008 г. Совет принял очередную резолюцию 1803, по своему содержанию мало чем отличавшуюся от предыдущих. Введенные тремя резолюциями санкции не отличались особой жесткостью, а многие пункты практически слово в слово повторяли друг друга.

Россия рассматривала резолюции как четкий недвусмысленный сигнал Тегерану о необходимости его полного сотрудничества с МАГАТЭ и выполнения всех его требований. В то же время российская сторона выступала категорически против применения в отношении Ирана каких-либо силовых мер воздействия. Россия критиковала американский подход односторонних действий в отношении Ирана, в частности, введение односторонних санкций и угрозы применения силы, что, как полагали в российском руководстве,

подрывало единство позиции стран «шестерки» в решении «иранской ядерной проблемы».

В заключении подведены основные итоги исследования.

Представления руководства России и США о характере иранской ядерной программы и степени ее угрозы для национальной безопасности двух стран имели существенные отличия, проистекавшие из совершенного разного видения места и роли Исламской Республики Иран в структуре современного мира. Наличие на концептуальном уровне подобных серьезные расхождений в представлениях руководства России и США значительно сужало поле совместной деятельности в решении «иранской проблемы» и способности поиска компромисса.

Оценки руководства Соединенных Штатов ядерной программы Ирана в рассматриваемый период времени нашли свое отражение в концептуальных построениях администрацией Дж.У. Буша внешнеполитического курса США, получившего название «доктрины Буша». Она базировалась на нескольких тезисах, которые определяли как политику Соединенных Штатов в отношении Ирана в целом, так и отношение США к иранской ядерной программе и способах преодоления иранского ядерного кризиса: борьба с международным терроризмом и государствами-спонсорами, стремившихся к обладанию ОМУ, наличие категории «государств-изгоев», которая при администрации Дж.У. Буша была трансформирована в концепцию «оси зла». При этом борьбу с этими угрозами США намеревались вести путем нанесения упреждающих ударов задолго до появления опасности. Причисление Ирана к «оси зла» свидетельствовало об особом месте этой страны во взглядах администрации Дж.У. Буша.

Концептуальные представления администрации Дж. Буша-младшего нашли свое воплощение не только в декларациях, но и в принятии конкретных нормативно-правовых актов, особенностью которых являлся их экстерриториальный характер.

Вся элита США, вне зависимости от партийной принадлежности и убеждений, была уверена том, что Иран активно стремился к созданию ядерного оружия, а также эффективных средств его доставки. Это была аксиома американской политики на иранском направлении в период президентства Дж. Буша-младшего, из которой следовало, что ядерная программа Ирана – это программа создания ядерного оружия, а поэтому она однозначно являлась угрозой национальной безопасности.

Сделать однозначные выводы о политике России в отношении Ирана и об оценках российского руководства ядерной программы этой страны представляется затруднительным. На отношение России к Ирану и к его ядерной программе влияли несколько важных факторов: географическая близость Ирана к российским границам, особенно с учетом стремления России при президенте В. Путине создать по периметру границ РФ пояс стабильности; Иран как важный актер в регионе Ближнего и Среднего Востока и Центральной

Азии, без которого невозможно было решить ни одну международную проблему; Иран как важный торгово-экономический партнер России.

В то же время Россия выступала категорически против появления у Ирана ядерного оружия, поскольку со всей очевидностью это нанесло бы серьезный ущерб национальной безопасности РФ.

Как показали события вокруг иранской ядерной программы и реакция на них России и США, у двух стран имелись существенные разногласия, которые вряд ли бы позволили выработать консолидированный подход к решению «иранского вопроса». Россия и США были едины в том, что нераспространение ядерного оружия являлось абсолютным приоритетом. Однако, вероятно, это был единственный пункт, по которому взгляды руководства двух стран полностью совпадали.

Практически с самого начала после обнаружения незадекларированной Ираном деятельности руководство США взяло курс на перенос «иранского досье» в Совет Безопасности ООН и введения против Ирана жестких санкций. В Соединенных Штатах в целом скептически относились к возможности решить «иранский вопрос» в рамках европейской дипломатии путем «выкупа» его ядерной программы, хотя неудача европейский стран во многом была связана с именно с позицией самих Соединенных Штатов, не желавших идти на прямые переговоры Ираном.

Россия в отношении решения «иранской ядерной проблемы» оказалась в более сложной ситуации. Перед российским руководством стояла необходимость выполнения двух задач. С одной стороны, Россия стремилась не испортить отношения с ИРИ в виду важности этой страны как экономического партнера, так и особого положения в регионе Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. С другой стороны, Москва, приверженная своим внешнеполитическим установкам о недопустимости распространения ядерного оружия, выступала категорически против его появления у Ирана. Эти установки побуждали Россию так или иначе принимать участие в переговорном процессе, оказывать на Иран сдерживающее влияние. В этом контексте отчасти можно рассматривать и стремление России увязать дальнейшее сотрудничество с Ираном в ядерной сфере со степенью взаимодействия Ирана с МАГАТЭ и выполнения требований этой организации. Вероятно, эти условия и явились одной из основных политических причин столь серьезной задержки в строительстве и ввода в эксплуатацию первого энергоблока АЭС в Бушере.

Обострение ситуации вокруг иранской ядерной программы после прихода к власти М. Ахмадинежада, неуступчивая позиция нового иранского руководства заставили Россию принять прямое участие в переговорном процессе в формате «шестерки» и фактически согласится на оказание большего давления на Иран. Однако это не изменило основную линию российского руководства по предотвращению решения «иранского вопроса» силовым путем. Это обстоятельство заставляло многих наблюдателей называть Россию «адвокатом» Ирана.

Россия и США не смогли договориться по вопросу российско-иранского ядерного сотрудничества, что было во многом связано с предъявлением Вашингтоном необоснованных с российской точки зрения претензий. Эта необоснованность подкреплялась нежеланием США предоставить убедительные доказательства «незаконного» сотрудничества с Ираном. Без них отказ России от сооружения АЭС в Бушере выглядел бы как капитуляция перед требованиями Соединенных Штатов, что нанесло бы непоправимый ущерб имиджу страны как надежного поставщика знаний и технологий и привело бы к значительным экономическим потерям.

Чтобы заставить Россию отказаться от российско-иранского сотрудничества в сфере мирного атома, США активно использовали различные меры финансово-экономического, политического и информационного характера. Среди них наиболее активно США использовали торгово-экономические санкции. Однако трудно согласиться с тем, что данный набор инструментов позволил Соединенным Штатам оказать значительное воздействие на российско-иранское ядерное сотрудничество, поскольку не была достигнута основная цель – полное прекращение этого сотрудничества.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Юрченко В.Н. Политика санкций Соединенных Штатов Америки в отношении Исламской Республики Иран // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2009. – № 7. – С. 189-195. (0,5 п.л.)

2. Юрченко В.Н. Финансово-экономические инструменты американского воздействия на российско-иранское ядерное сотрудничество и степень их эффективности // Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы: материалы международной научно-практической конференции. 8-10 февраля 2010 г.: В 3-х томах / под ред. Б.М. Ягудина. – Казань, 2010. – Т. II. – С.71-82. (0,5 п.л.)

3. Юрченко В.Н. Дискуссии в американском академическом сообществе о путях решения «иранского вопроса» в период президентства Дж.У. Буша // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2010. – Вып. XIII. – С. 182-192. (0,8 п.л.)

4. Юрченко В.Н. Российский подход к решению иранской ядерной проблемы // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2009. – Вып. XII. – С. 151-159. (0,5 п.л.)

5. Юрченко В.Н. А. Хаменеи о структуре современного мира через призму проблемы прав человека // Ближний Восток и современность: сб. ст. – М., 2009. – Вып. 40. – С. 264-275. (0,5 п.л.)

6. Юрченко В.Н. Иранский атомный вопрос и пути его решения в оценках американских экспертов // Атомная энергетика – современный этап:

международные аспекты: Материалы Сибирской студенческой конференции. 26-28 ноября 2007 г. – Томск, 2008. – С. 46-51. (0,3 п.л.)

7. Юрченко В.Н. Запад в оценках бывшего президента Ирана М. Хатами // Глобальные и региональные проблемы современности: Сборники трудов III конференции студентов и молодых исследователей. 3 мая 2008 г. – Екатеринбург, 2009. – С. 111-115. (0,5 п.л.)

8. Юрченко В.Н. Исламская цивилизация глазами бывшего президента Ирана М. Хатами // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2008. – Вып. XI. – С. 122-129. (0,5 п.л.)

9. Юрченко В.Н. Внутренняя и внешняя политика Исламской Республики Иран в оценках американских экспертных сообществ // Востоковедный сборник. – М., 2006. – Вып. 7. – С. 131-147. (1 п.л.)